

Кантемир. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Кантемир. В. Г. Белинский

Русскую литературу начинают с Ломоносова, – и справедливо. Ломоносов действительно был основателем русской литературы. Как гениальный человек, он дал ей форму и направление, которые она надолго удержала. Каковы были эта форма и это направление – вопрос другой; дело в том, что дать форму и направление целой литературе мог только человек необыкновенный, но, несмотря на общее согласие в том, что русская литература начинается с Ломоносова, все начинают ее историю с Кантемира. Это тоже справедливо. Если Кантемир и Тредьяковский не были основателями русской литературы, их труды некоторым образом были как бы предисловием к ее основанию. Оба они, особенно последний, брались за то, за что прежде всего должно было взяты; но оба они не имели достаточных средств для выполнения предлежавшего им дела. Впрочем, к Кантемиру это относится гораздо меньше, чем к Тредьяковскому. Кантемир не столько начинает собою историю русской литературы, сколько заканчивает период русской письменности. Кантемир писал так называемыми силлабическими стихами, – размером, который совершенно несвойствен русскому языку; но этот размер существовал на Руси задолго до Кантемира. Он зашел к нам из Польши через Малороссию, в XVI столетии. Этим размером писали и Петр Могила, и Димитрий Ростовский, и Симеон Полоцкий; но их стихи были духовного содержания, не блистали поэзией и отличались однажды навсегда принятой и неподвижной риторической формой; Кантемир же первый начал писать стихи, тем же силлабическим размером, {1} но содержание, характер и цель его стихов были уже совсем другие, нежели у его предшественников на стихотворческом поприще. Кантемир начал собою историю светской русской литературы. Вот почему все, справедливо считая Ломоносова отцом русской литературы, в то же время не совсем без основания Кантемиром начинают ее историю. Несмотря на страшную устарелость языка, которым писал Кантемир, несмотря на бедность поэтического элемента в его стихах, Кантемир своими сатирами воздвиг себе маленький, скромный, но тем не менее бессмертный памятник в русской литературе. Имя его уже пережило много эфемерных знаменитостей, и классических и романтических, и еще переживет их многие тысячи. Этот человек, по какому-то счастливому инстинкту, первый на Руси свел поэзию с жизнью, – тогда как сам Ломоносов только развел их надолго. Поэзия Кантемира уже по тому одному, что она была сатирической, не могла быть риторической. Не только при Кантемире, но и гораздо спустя после него русская литература могла, если б поняла свое положение, смеяться и осмеивать, а между тем она больше восторгалась и надувалась. Впрочем, действительность – таки взяла свое, – и русская литература как-то сама собою, бессознательно, разделилась на сатирическую и риторическую. Значительная часть сочинений Сумарокова в сатирическом роде, – и, несмотря на тупость и аляповатость сатирической музыки этого неумолимого писателя, стремившегося к всеобъемлемости и ничего не обнявшего, его нападки на подъячих не были бесполезны: если они не исправляли нравов, зато поддерживали в обществе сознание, что порок есть все-таки порок, хотя бы он был и неизбежным злом. {2} Следовательно, благодаря, может быть, заслуге одной только литературы, у нас зло не смело называться добром, а лихоимство и казнокрадство не титуловались благонамеренностью, как это всегда водилось и теперь водится, например, в Китае. И могло ли это быть у нас иначе, если сатирическое направление, со времен Кантемира, сделалось живою струею всей русской литературы? Не говоря уже о Фонвизине, которого превосходный талант был по преимуществу сатирический, – сам Державин, который, по духу своего времени, риторическую превыспренность считал заодно с поэзией, – заплатил большую дань сатире. И еще далеко не успел блестящий лирик века Екатерины допеть своих громозвучных од, как явился на Руси национальный баснописец – Крылов. Это сатирическое направление, столь важное и благодетельное, столь живое и действительное для общества, в котором так странно боролась прививная европейская форма с азиатскою сущностью родной старины, – это сатирическое направление никогда не прекращалось в русской литературе, но только переродилось в юмористическое, как более глубокое в технологическом отношении и более родственное художественному характеру новейшей русской поэзии.

Говоря о Кантемире, нет нужды распространяться в биографических подробностях; но не мешает взглянуть бегло на жизнь Кантемира в ее связи с литературою. Есть на русском языке старинная книжица, изданная Новиковым в 1783 году, под титулом: «История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира, сочиненная Санктпетербургской Академии Наук покойным профессором Беером с российским переводом, и с приложением родословия князей Кантемиров». {3} В этой

книжице сказано, что Кантемиры свой род производят от крымских татар, и доказано, кстати, что в этом обстоятельстве для Кантемиров нет ничего унижительного, потому что «знатности породы, какую предки наши, или на прямой добродетели, или на некоей мнимой славе в своем утвердили потомстве, татары нам не токмо ни мало не уступают, но еще гораздо больше, нежели мы, благородством знаменитейших мужей превозносятся: ибо нет у них ни единого такового важного и храброго дела, за которое подлой или простолюдин мог бы когда-нибудь причтен быть в число мурз». После такого поистине татарского воззрения на несомненность родовой знаменитости князей Кантемиров наивная книжица неоспоримо доказывает, что Кантемиры происходят по прямой линии от Тамерлана, что видно из самого их имени: Кан-Тимур, то есть родственник Тимура. Но для русской литературы все равно, от Тамерлана или еще древнее – от Адама произошел сатирик Кантемир. Для нее довольно знать, что он был сын молдавского господаря Димитрия Кантемира, столь известного в истории Петра Великого по турецкой войне, кончившейся миром при Пруте. Князь Димитрий был человек ученый; с особенным удовольствием занимался он историей, «был весьма искусен в философии и математике и имел великое знание в архитектуре»; был членом Берлинской академии; говорил по-турецки, по-персидски, по-гречески, по-латине, по-итальянски, по-русски, по-молдавски, порядочно знал французский язык и оставил после себя несколько сочинений на латинском, греческом, молдавском и русском языках. Из них «Система мухаммеданского закона» по повелению Петра Великого напечатана в Петербурге в 1722 году. Очень естественно, что у такого отца дети были людьми учеными и образованными.

Антиох был четвертым сыном князя Димитрия и родился в Константинополе 1708 года, сентября 10-го. Так как отец скоро заметил в нем отличные дарования, то и приложил особенное старание о его воспитании, преимущественно перед всеми другими своими сыновьями. Сначала Антиох воспитывался в Харькове, потом в Москве, наконец в Петербурге. Везде пользовался он уроками лучших в то время преподавателей. Не желая ни на минуту спустить глаз своих с любимого сына, князь Димитрий взял Антиоха с собою в персидский поход, в котором он сопровождал Петра Великого, в 1722 году. Во время похода учение Антиоха не прерывалось ни на минуту; самое путешествие это практически не могло не быть чрезвычайно полезно любознательному четырнадцатилетнему юноше. Страсть и уважение к учености были так сильны в старом Кантемире, что он желал иметь наследником своего имени того из сыновей, который больше других отличится в науках. Он даже просил об этом Петра Великого, а в духовном завещании прямо указал на Антиоха, как на того из своих сыновей, который, по способностям и познаниям, достоин быть наследником его имени (стр. 332). [1] в 1725 году была учреждена Санктпетербургская императорская Академия наук, и Антиох выслушал курс высших наук у иностранных профессоров, приглашенных Петром Великим в Россию. Математике учился он у Бернулли, физике у Бильфингера, истории у Беера, нравственной философии у Гросса. Блестящие дарования скоро обратили на молодого Кантемира общее внимание. Еще быв поручиком Преображенского полка, почти двадцати лет от роду, он едва не был послан к французскому двору; намерение это почему-то было отменено, но оно показывает, какую репутацию пользовался этот молодой человек в такое время, когда молодость считалась пороком, от которого едва избавлялись в сорок лет. По некоторым словам книги Беера можно заключить не без основания, что первые три сатиры Антиоха Кантемира не мало способствовали его возвышению в глазах самого правительства. Вместе с его братьями, Матвеем и Сергием, и сестрою Марьею, Анна Иоанновна пожаловала ему тысячу тридцать крестьянских дворов. В 1731 году он был послан в Лондон в качестве резидента. {4} Проезжая через Голландию, Кантемир запасся книгами и поручил одному книгопродавцу в Гаге напечатать сочинение своего отца: «Описание историческое и географическое Молдавии»; впрочем, это сочинение не было напечатано. В Лондоне Кантемир был принят с отличием, как ученый человек и глубокий политик. За удовлетворительное окончание возложенного на него поручения он был облечен значением чрезвычайного посланника и полномочного министра. Свободное от политических занятий время он посвящал наукам и беседе с учеными людьми Англии, которую он почитал просвещеннейшею страной в мире. Знакомство с некоторыми итальянцами побудило его выучиться итальянскому языку, которым он так хорошо овладел, что говорил и писал на нем, как природный итальянец. Вследствие оспы, которую Кантемир перенес в детстве, он всегда страдал истечением мокроты из глаз. От усиленного занятия чтением, в Лондоне эта болезнь до того у него усилилась, что он поехал в 1736 году в Париж лечиться у знаменитого в то время врача Жандрона, лейб-медика французского регента. Жандрон действительно помог Кантемиру; а когда, в 1738 году, Кантемир приехал в Париж в качестве полномочного министра, то и совсем излечил его от глазной болезни. В 1739 году Кантемир был наименован чрезвычайным послом при

французском дворе. При запутанных обстоятельствах этой эпохи Кантемир удержался в милости и при правительнице, которая пожаловала его в 1741 году в тайные советники, и при Елизавете Петровне, подтвердившей его в этом чине. В Париже Кантемир вел жизнь уединенную, знаясь только с людьми учеными и литераторами, и с страстью предавался учению. С особенным рвением занимался он тогда алгеброю и сочинил на русском языке «Руководство к алгебре», которое осталось в рукописи. Батюшков, представивший Кантемира, в беседе с Монтескье, аббатом В. и аббатом Гуаско, справедливо заметил, что Кантемир писал бы стихи и на необитаемом острове, потому что он писал их в Париже, который, в отношении к нему, как к стихотворцу, был для него действительно необитаемым островом. {5} Весь характер, вся личность Кантемира отразилась в этих, его же, стихах:

Тот в сей жизни лишь блажен, кто, малым доволен,
В тишине знает прожить, от суетных волен
Мыслей, что мучат других, и топчет надежду
Стезю добродетели к концу неизбежну,
Небольшой дом на своем построенный поле
Дает нужное моей умеренной воле,
Не скудный, не лишний корм и средню забаву,
Где б с другом честным я мог, по моему нраву
Выбранным, в лишни часы прогнать скуки бремя,
Где б от шуму отдален, прочее все время
Провожать меж мертвыми греки и латины.
Исследуя всех вещей действия и причины,
И, учась, знать образцом других, что полезно,
Что вредно в нравах, что в них гнусно, иль любезно:
То одно желанья мои составляет. {6}

С 1740 года здоровье Кантемира начало совершенно расстраиваться. Вот что говорит об этом книжица Беера: «Князь Антиох подвержен был человеческим слабостям, как и другие люди. Он чувствовал то сам, яко человек, и имел несчастье искувиться в скорби, свойственной человеческому роду. С 1740 году почувствовал он внутреннюю болезнь, которая от часу умножалась. И хотя он в пище весьма был воздержен, однако желудок его почти ничего уже варить не мог». В 1741 году он ездил на ахенские воды, от которых и получил облегчение, равно как и от лекарства какой-то девицы Стефенс, которое он употреблял по совету же Жандрона. В 1743 году он пользовался пломбьерскими водами, которые, однако не помогли ему. По возвращении в Париж он отдался на руки разным врачам, которые совсем залечили его. В это время он страдал крайним ослаблением желудка, режью в почках и бессонницею. Потом он схватил лихорадку, довольно, впрочем, легкую, и у него открылся кашель. По совету одного из друзей своих, который, вопреки мнению докторов, смотрел серьезно на эти припадки, Кантемир решился провести зиму в Неаполе. Но когда он получил на это разрешение от своего двора, было уже поздно: усилившаяся болезнь и дурное время года не позволили ему тронуться с места. Полгода страдал он болезнью в груди, не переставая чтением прогонять скуку бессонницы. На увещания, что он этим вредит себе, он обыкновенно отвечал, что «тогда только не чувствует болезни, когда трудится». Охоту к чтению он потерял только за три или за четыре дня до своей смерти, и это-то обстоятельство открыло ему опасность его положения. Один из друзей его, читая с ним рассуждение Цицерона о дружбе, во имя налагаемого этим чувством долга, заговорил с ним прямо о его положении и посоветовал заняться последними распоряжениями. Кантемир с благодарностью принял этот совет как доказательство истинной дружбы и немедленно приступил к составлению духовной, в которой, отказав все свое имение братьям и сестрам, завещал, чтоб тело его по вскрытии было набальзамировано, отвезено в Россию и похоронено без всякой церемонии в греческом монастыре, в Москве, где схоронены были и его родители. До самой минуты своей смерти он был в полном разуме. Умер он в 1744 году, марта 31, тридцати пяти лет и семи месяцев от роду. По вскрытии тела оказалось, что у него была водяная в груди.

О личном характере Кантемира известно только, что он был человек благородный, правдивый и кроткий. Сначала он казался неприветливым, но эта неприветливость постепенно исчезала в отношении к людям, которые ему более и более нравились. Слабое и болезненное его телосложение придавало его характеру меланхолический оттенок, что, однакож, не мешало ему быть и любезным и веселым в обществе людей, которые ему нравились и с которыми он мог быть откровенен. В частной жизни он был экономен и, как говорит книжица Беера, из которой мы заимствовали эти подробности, «никогда не признавал, что долги были знаком благородства и высокого достоинства». Вот все, что дошло до потомства о Кантемире, как о человеке: в его сатирах мы увидим его как поэта и вновь встретимся с ним, как с

человеком.

В 1729 году{7} написал Кантемир свою первую сатиру, следовательно, ровно за десять лет до первой оды Ломоносова («На взятие Хотина»), написанной новым размером. Это едва ли не лучшая из всех сатир Кантемира. Она была направлена против обскурантов (людей, одержимых болезнью мракобесия), врагов просвещения, словом, славянофилов того времени. В ней, как и во всех сатирах Кантемира, нет ни желчного негодования, ни бурного пафоса; но в ней много ума, много комической соли, и есть одушевление, тихое, ровное, но постоянно выдерживаемое. Кантемир не бичует, а только сечет обскурантов. Оно и естественно: сатира страстная, грозная, бешеная, вооруженная свитым из змей бичом, сатира в образе Немезиды, бросающей молнии из очей, с пеною у рта, такая сатира возможна только или у народа, который уже пережил самого себя, для которого уже нет ни выхода, ни будущего, или у народа, который еще полн свежих сил жизни, но уже сознал причины, которые удерживают его стремление на пути дальнейшего развития. Ни то, ни другое положение не могло относиться к России времен Кантемира. Прогресс, который тогда для нее был возможен, весь заключался больше в форме, нежели в духе, следовательно, был слишком внешен и потому не мог иметь слишком сильных и опасных врагов. Эти враги были больше смешны, нежели страшны, и для них нужен был не свистящий бич ювеналовской сатиры, а легкая лоза насмешки и иронии. И в этом отношении сатиры Кантемира были именно такими, какие тогда были нужны и могли быть полезны. Первая сатира, «На хулящих учение», особенно богата смешными чертами и верными снимками с общества того времени. Поэт делает обращение «уму своему, прося его не понуждать его рук к перу. Можно, говорит поэт, и не писавши достичь славы: ведь в наш век к ней ведут многие пути; а из них самый трудный и невыгодный – тот, «что босы проклали девять сестер».{8}

...Кто над столом гнется,
Пяля на книгу глаза, больших не добьется
Палат, ни расцвечена мраморами саду;
Овцы не прибавит он к отцовскому стаду.
Правда, в нашем молодом монархе[2] надежда
Всходит музам не мала; со стыдом невежда
Бежит его; Аполлин славы в нем защиту
Своей не слабу почул, чтяща свою свиту
Видел его самого, и во всем обильно
Тщится множить жителей парнасских он сильного
Но та беда, многие в царе похваляют
За страх то, что в подданном дерзко осуждают.
Как ловко выражена мысль двух последних стихов! За ними следует ряд картин тогдашнего общества, написанных мастерскою кистию. Поэт заставляет невежд, под вымышленными именами, говорить филиппики против просвещения. И каждый из этих антагонистов света божия высказывается сообразно своему характеру, и ни один из них не повторяет другого.

«Расколы и ереси науки суть дети,
Больше врет, кому далось больше разумети,
Приходит в безбожие, кто над книгой тает».
Критон с четками ворчит и вздыхает,
И просит свята душа с горькими слезами
Смотреть, сколь семя наук вредно меж нами:
«Дети наши, что пред тем тихи и покорны
Праотческим шли следом, к божией проворны
Службе, с страхом слушая, что сами не знали,
Теперь, к церкви соблазну, Библию честь стали.
Толкуют, всему хотят знать повод, причину,
Мало веры подая священному чину;
Потеряли добрый нрав, забыли пить квасу,
Не прибьешь их палкою к соленому мясу;
Уже свечек не кладут, постных дней не знают,
Мирскую в церковных власть руках лишну чают,
Шепча, что тем, что мирской жизни уж отстали,
Поместья и вотчины весьма не пристали».
Сильван другую вину наукам находит:
«Учение (говорит) нам голод наводит;
Живали мы преж сего, не зная латыне,
Гораздо обильнее, чем живем мы ныне,
Гораздо в невежестве больше хлеба жали,

Переняв чужой язык, свой хлеб потеряли,
Буде речь моя слаба, буде нет в ней чину,
Ни связи, должно ль о том тужить дворянину:
Довод, порядок в словах, подлых то есть дело;
Знатным полно подтверждать иль отрицать смело.
С ума сошел, кто души силу и пределы
Испытает, кто в поту томится дни целы,
Чтоб строй мира и вещей вывести премену
Иль причину; глупо он лепит горох в стену.
Прирастет ли мне с того день к жизни, иль в ящик
Хотя грош? могу ль чрез то узнать, что прикащик,
Что дворецкий крадет в год? как прибавить воду
В мой пруд? как бочек число с винного заводу?
Не умнее, кто глаза, полон беспокойства,
Коптит печась при огне, чтоб вызнать руд свойства;
Ведь не теперь мы твердим, что буки, что вежи;
Можно знать различие злата, серебра, меди.
Трав, болезней знание – все то голы враки;
Глава ль болит? тому врач ищет в руке знаки;
Главу в нас виновна кровь, буде ему веру
Нять хочешь. Слабеем ли? – кровь тихо чрез меру
Течет; если спешно: жар в теле, – ответ смело
Дает, хотя внутрь никто не видел живо тело.
А пока в баснях таких время он проводит,
Лучший сок из нашего мешка в его входит.
К чему звезд течение числить, и ни к делу,
Ни к стати за одним ночь пятном не спать целу?
За любопытством одним лишиться покою,
Ища – солнце ль движется, или мы с землею?
В часовнике можно счесть на всякий день года
Число месяца, и час солнечного восхода.
Землю в четверти делить без Эвклида смыслим;
Сколько копеек в рубле, без алгебры счислим».

Румяный, трижды рыгнув, Лука подпекает:
«Наука содружество людей разрушает;
Люди мы к сообществу божия тварь стали,
Не в нашу пользу одну смысла дар прияли:
Что же пользы иному, когда я запрюся
В чулан, для мертвых друзей живущих лишуся?
Когда все содружество, вся моя ватага
Будет чернило, перо, песок да бумага?
В весельи, в пирах, мы жизнь должны проваждати;
И так она не долга: на что коротати,
Крушиться над книгою и повреждать очи?
Не лучше ли с кубком дни прогулять и ночи?
Вино – дар божественный, много в нем провору;
Дружит людей, подает повод к разговору,
Веселит, все тяжкие мысли отымает,
Скудость знает облегчать, слабых ободряет,
Жестоких смягчит сердца, угрюмость отводит,
Любовник лучше вином в цель свою доходит.
Когда по небу сохой бразды водить станут,
А с поверхности земли звезды уж проглянут,
Когда будут течь к ключам своим быстры реки –
И возвратятся назад минувшие веки;
Когда в пост чернец одну есть станет вязигу,
Тогда, оставя стакан, возьмуся за книгу».
Медор тужит, что чресчур бумаги исходит
На письмо, на печать книг, а ему приходит,
Что не во что завертеть завитые кудри;
Не сменит на Сенеку он фунт доброй пудры.
Перед Егором[3] двух денег виргилий не стоит,
Рексу,[4] не Цицерону похвала достоин. {9}
Обращаясь вновь к своему уму и доказывая ему бесплодность борьбы с невеждами,
сатирик говорит:

Гордость, леность, богатство, мудрость одолело;

Науку невежество местом уж посело.
Под митрой гордится то, в шитом платье ходит,
Сидит за красным письмом, смело полки водит. {10}
Наука ободрана, в лоскутах обшита,
Из всех почти домов с ругательством сбита,
Знаться с нею не хотят, бегут ее дружбы,
Как на море страдавшие корабельной службы.
Все кричат: никакой плод не виден с науки!
Ученых хоть голова полна, пусты руки!
Коли кто карты мешать, разных вин вкус знает,
Танцует, на дудочке песни три играет,
Смыслит искусно прибрать в своем платье цветы, –
Тому уж и в самые молодые леты
Всякая вышша степень – мзда уж невелика,
Седми мудрецов себя достойным мнит лика.
Вторая сатира, «Филарет и Евгений», написанная месяца через два после первой,
нападает «на зависть и гордость дворян злонравных». Это, впрочем, чуть ли не
слабейшая из всех сатир Кантемира. В ней больше рассуждений, больше морали,
нежели желчи. Впрочем, и в ней есть места замечательные. Вот, например, картина
жизни фата или льва того времени:

Пел петух, встала заря, лучи осветили
Солнца верхи гор; тогда войско выводили
На поле предки твои; а ты под парчою,
Углублен мягко в пуху телом и душою,
Грозно сопешь; когда дня пробегут две доли,
Зевнешь, растворишь глаза, выпишься до воли.
Тянешься уж час другой, нежишься, ожидая
Пойла, что шлет Индия, иль везут с Китая,
Из постели к зеркалу одним спрыгнешь скоком,
Там уж в попечении и труде глубококом.
Женских достойную плеч завеску на спину
Вскинув, волос с волосом прибираешь к чину.
Часть над лоским лбом торчать будут сановиты,
По румяным часть щекам в колечки завиты
Свободно станет играть, часть уйдет за темя
В мешок. Дивится тому строению племя
Тебе подобных; ты сам, новый Нарцисс, жадно
Глотаешь очьми себя; нога жметя складно
В тесном башмаке твоя, пот со слуг валитя,
В две мозоли и тебе красота становитя;
Избит пол, и под башмак стерто много мелу.
Деревню наденешь потом на себя ты целу. {11}
Дальнейшее описание облачения фата и, в особенности, слова сатирика насчет того,
как хорошо воспользовался фат своим путешествием по Европе, чрезвычайно забавны,
за исключением устарелого языка, слога и силлабического стихосложения. Пусть
читатели сами поверят справедливость наших слов, прочтя эту сатиру всю, а мы
выпишем из нее еще вот эти стихи:

Бедных слезы пред тобой льются, пока злобно
Ты смеешься нищете; каменный душою
Бьешь холопа до крови, что махнул рукою
Вместо правой левою (зверям лишь прилична
Жадность крови; плоть в слуге твоей однолична).
Мало, правда, ты копишь денег, но к ним жаден;
Мот почти всегда живет сребролюбьем смраден,
И все законно он мнит, что уж истощенной
Может дополнить мешок; нужды совершенной
Стало ему золото куча, без которой
Прохладам должен своим конец видеть скорой.
В отрывке есть стихи (не указываем на них: человеческое чувство читателя их
угадает и без нас), которые могут служить торжественным и неопровержимым
доказательством; что наша литература, даже в самом начале ее, была
провозвестницею для общества всех благородных чувств, всех высоких понятий. Да,
она умела не только льстить, но и выговаривать святые истины о человеческом
достоинстве. Самая лесьть у ней была не столько убеждением, сколько, во-первых,
подчинением всеми принятому обычаю, а во-вторых, риторической манерою. До поэзии
достигала она и у самого Державина только там, где он переставал быть поэтом в

духе времени и становился просто человеком. Простим же ей – нашей старой литературе – ее грехи, вольные и невольные, и будем ей благодарны за то, что она, и только одна она, была воспитательницей юного, созданного Петром Великим общества, от Кантемира до наших времен. По мне, нет цены этим неуклюжим стихам умного, честного и доброго Кантемира:

. . . . . Лучшую дорогу
Избрал, кто правду всегда говорить принялся;
Но и кто правду молчит, виновен не остался,
Буде ложью утаить правду не посмеет,
Счастлив, кто средине оной держаться умеет;
Ум светлый нужен к тому, разговор приятный,
Учтивость приличная, что дает род знатный.
Ползать не советую, хоть спеси гнушаюсь;

. . . . .
Адам дворян не родил, но одному сыну
Жребий был копать сад, пасть другому скотину;
Ной в ковчеге с собою спас все себе равных
Простых земледетелей, нравами лишь славных;
От них мы произошли, один поране
Оставя дудку, соху, другой – попозднее.
Чтоб не возвращаться опять к одному и тому же предмету, выпишем теперь же из шестой сатиры стихи, в которых Кантемир казнит насмешкою добровольное унижение человеческого достоинства низкопоклонством и лестью:

С петухами пробудясь, нужно потащиться
Из дому в дом на поклон, в передних томиться –
Полдни торчать на ногах с холопы в беседе,
Ни сморкнуть, ни кашлянуть не смея. По обеде{12}
Та же жизнь до вечера; ночь вся беспокойно
Пройдет, думая, к кому поутру пристойно
Еще бежать, перед кем гнуть шею и спину,
Что слуге в подарок, что понести господину,
Нужно часто полыгать, небылице верить,
Что одною скорлупою можно море смерить;
Господскую сносить спесь, признавать, что родом
Моложе Владимира одним только годом.
Хоть ты помнишь, как отец носил кафтан серой;
Кривую жену его называть Венерой,
И в шальных детях хвалить остроту природну;
Не зевать, когда он сам несет сумасбродну,
Нужно благодетелем звать того, другого,
От кого век не видал добра никакого.
Третья сатира, «К Феофану, епископу новгородскому», написанная в 1730 году, рассуждает о различии страстей человеческих. Тут осмеиваются сребролюбцы, сплетники, болтуны, ханжи, самолюбцы, пьяницы, завистники и т. п. В четвертой сатире, написанной в 1731 году, Кантемир спрашивает свою музу, не пора ли им перестать писать сатиры?

. . . . . Многим те не любы,
И ворчит уж не один, что где нет мне дела,
Там мешаюсь, и кажу себя чересчур смела.
Ты (говорит он своей музе) смело хулишь и находишь свое веселие в том, чтобы бесить злых, «а я вижу, что в чужом пиру мне похмелье». Один (продолжает сатирик) хочет потянуть меня к суду, что, нападая на пьяниц, «умалю кружальные доходы»; другой, похваляясь, что от доски до доски прочел Библию острожской печати, убедился из нее, что «во мне нечистый дух злословит бороду»; третий сердится, что нападаю на взятки. Тогда сатирик, желая переменить грубый тон на вежливый, начинает иронически хвалить глупцов и негодяев; но это доводит его до сознания, что он не умеет и в шутку хвалить того, что считает дурным.

. . . . . Когда хвалы принимаюсь
Писать, когда, муза, твой нрав сломить стараюсь, –
Сколько ногти ни грызу, и тру лоб вспотелый,
С трудом стишка два сплету, да и те не спелы,
Жестки, досадны ушам, и на те походят,
Что по целой азбуке святых житья водят. [5]
Дух твой ленив, и в зубах вязнет твое слово

Не забавно, не красно, не сильно, не ново;
А как в нравах вредно что усмотрю, умняе
Сам ставши, под пером стих течет скоряе;
Тогда я стихотворцем сам себя поздравлю,
И чтецов моих зевать тщетно не заставлю;
Проворен, весел спешу, как вождь на победу,
Иль как поп с похорон к жирному обеду.
Кантемир заключает эту сатиру тем, что сатиры могут не нравиться только дурным
людям и глупцам, на которых нечего смотреть:

Таким одним сатира наша быть противна
Может; да их нечего щадить, и не дивна
Мне любовь их, как и гнев их мне страшен мало.
Просить у них не хочу, с ними не пристало
Вестись, чтоб не почернеть, касаяся сажи;
Вредить не могут те мне, пока в сильной стражи
Нахожуся Матери отечества правой.
А коим бог чистый дух дал и разум здоровой
Беззлобны, беззлобные наши стихи возлюбят,
И охотно станут честь, надеясь, что сгубят,
Может быть, или уменьшат злые людей нравы,
Сколько тем придается им и пользы и славы!
В этих стихах – весь Кантемир! Этот человек не был поэтом, непосредственный
художественный талант не был его уделом. Его поэзия – поэзия ума, здравого
смысла и благородного сердца. Кантемир в своих стихах – не поэт, а публицист,
пишущий о нравах энергически и остроумно. Насмешка и ирония – вот в чем
заключается талант Кантемира.

Пятая сатира, «Сатир и Перьерг», написанная в 1737 году, в Лондоне, устремлена
«на человеческие злонравия вообще». Ее форма очень изысканна, и в целом она
скучна; но подробности есть удивительные, как, например, это место:

Болваном Макар вчера казался народу,
Годен лишь дрова рубить, или таскать воду;
О безумии его худая шла повесть,
Углем черным всяк пятнал его плоху совесть.
Улыбнулося тому ж счастье Макару, –
И сегодня временшик: уж он всем под-пару
Честным, знатным, искусным людям становится,
Всяк уму чудному наперерыв дивится,
Сколько пользы от него царство ждать имеет.
Поправить взглядом одним все легко умеет. {13}
Чем бывший глупец пред ним народ весь озлобил;
Бог в благополучие ваше его собил.
Заключение этой сатиры особенно забавно. Исчисляя разные человеческие глупости,
сатирик говорит:

Пахарь, соху ведучи, иль оброк считая.
Не однажды привздохнет, слезы отирая:
За что-де меня творец не сделал солдатом?
Не ходил бы в серяке, но в платье богатом,
Знал бы лишь одно свое ружье да капрала,
На правеже бы нога моя не стояла.
Для меня б свинья моя только поросилась,
С коровы мне б молоко, мне б куря носилась,
А то все прикащице, стряпчице, княгине
Понеси в поклон, а сам жирей на мякине.
Пришел набор, пахаря вписали в солдаты:
Не однажды дымные уж вспомнит палаты,
Проклинает жизнь свою в зеленом кафтане,
Десятью заплачет в день по сером жупане.
То ль не житье было мне, говорит, в крестьянстве?
Правда, тогда не ходил я в таком убранстве;
Да летом в подклете я, на печи зимою
Сыпал, в дождик из избы я вон ни ногою;
Заплачу подушное, оброк господину,
Какую же больше найду я тужить причину?
Щей горшок, да сам большой, хозяин я дома,

Хлеба у меня чрез год, а скотам солома.
Дальняя езда мне была съездить в торг для соли
Иль в праздник пойти в село, и то с доброй воли:
А теперь – чорт, не житье, волочись по свету,
Все бы рубашка бела, а вымыть чем нету;
Ходи в штанах, возися с ружьем пострелым,
А где до смерти всех бьют, надобно быть смелым.
Ни выпататься некогда, часто нет что кушать;
Наряжать мне все собой, а сотерых слушать.
Чернец тот, кой день назад чрезмерну охоту
Имел ходить в клубуке, и всяку работу
В церкви легку сказывал, прося со слезами.
Чтоб и он с небесными в счете был чинами, –
Сегодня не то поет: рад бы скинуть рясу,
Скучили уж сухари, полетел бы к мясу:
Рад к чорту в товарищи, лишь бы бельцом быти,
Нет мочи уж ангелом в слабом теле слыти.{14}

Шестая сатира, написанная в 1738 году, рассуждает «о истинном блаженстве». Сатирик доказывает в ней, что истинное счастье заключается в благоразумной середине и в беседе с музами. Седьмая сатира, «к князю Никите Юрьевичу Трубецкому», написанная в 1739 году, в Париже, рассуждает «о воспитании». Эта сатира исполнена таких здравых, гуманных понятий о воспитании, что стоила бы и теперь быть напечатанною золотыми буквами; и не худо было бы, если бы вступающие в брак предварительно заучивали ее наизусть.

Вот несколько отрывков на выдержку:

Завсегда детям твердя строгие уставы
Наскучишь: истребишь в них всяку любовь славы,
Если часто пред людьми обличать их станешь:
Дай им время и играть; сам себя обманешь,
Буде станешь торопить лишно спеша дело;
Наедине исправлять можешь ты их смело.
Ласковость больше в один час детей исправит,
Нежь суровость в целый год; кто часто заставит
Дрожать сына пред собой, хвальну в нем загладит
Смелость, и безвременно торопеть поведит.
Щастлив, кто надеждою похвал взбудить знает
Младенца; много тому пример пособляет:
Относят к сердцу глаза весть уха скоряе.

.....
Не одни те растят нас, коим наше детство
Вверено; со всех сторон находит посредство
Вскользнуться внутрь сердца нрав: все, что окружает
Младенца, произвести в нем нрав помогает.{15}

.....
Обычно цвет чистоты первый увядает
Отрока в объятиях рабыни; и знает
Унеши младенец, что небом и землею
Отлыгаться пред отцом, наставлен слугою.
Слуги язва детей; родителей злее
Всех пример. Часто дети были бы честнее,
Если б мать с отцом пред младенцем знали
Собой владеть, и язык свой в узде держали.
Повторяем: такие мысли о воспитании и теперь скорее новы, нежели стары.

Восьмая сатира, «На бесстыдну нахальчивость», написанная в 1739 году, в Париже, заключает в себе понятие сатирика о скромности. Он говорит о том, как осторожно пишет свои стихи, не ленится их херить, прячет надолго в ящик и, собираясь печатать, выправляет.

Стыдливый, боязливый, и всегда собою
Недовольным быть во мне природы рукою
Втиснено, иль отческим советом из детства.
В параллель себе сатирик противопоставляет людей наглых и бесстыдных.

Кантемир начал было и девятую сатиру, но за болезнию не мог ее написать.

Кантемир. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

Мелкие стихотворения Кантемира любопытны, но не столько, как поэтические произведения, сколько как произведения человека с умом и сердцем. Если хотите, в них есть своя гармония, свой ритм, заметна поэтическая, или, лучше сказать, стихотворческая замашка; но поэзии мало. Кантемир писал песни, басни и эпиграммы. Песни его разделяются на любовные и на нравственные. Первые остались ненапечатанными и, вероятно, погибли для потомства, – что очень жаль, потому что, по словам самого Кантемира, они имели большой успех: по крайней мере, он сам говорит в четвертой сатире:

Довольно моих поют песней и девицы
Чистые, и отроки, коих от денницы
До другой колет любви жало.{16}

А в примечании к этим стихам сказано: «сатирик сочинил многие песни, которые в России и поныне поются». Кантемир как бы раскаивается в этих песнях, как в грехе своей юности; в той же, четвертой, сатире он говорит:

Любовны песни писать, я чаю, тех дело,
Коиx столько ум не отел, сколько слабо тело.
Вот образчик нравственных песен Кантемира:

Видишь, Никита, [6] как крылато племя
Ни землю пашет, ни жнет, ниже сеет;
От руки вышней однак в свое время
Пищу довольну, жизнь продлить имеет.
Лилей в поле, как зришь, многоцветной
Ни прядет, ни тчет царь мудрый Сиона;
Однако в славе своей столь приметной
Не имел одежды. Ты голос закона,
В сердцах природа кой от век вложила,
И бог во плоти подтвердил, внушая,
Что честно, благо, пусть того лишь сила
Тобой владеет, злости убегая, и пр.

Из этого отрывка достаточно видно, что преобладающее направление Кантемира было не поэтическое, а дидактическое, и что трудность выразиться на языке не только необработанном, даже нетронутым, много мешала ясности и красоте его слога. Басни Кантемира интересны, как первые опыты в этом роде – не самого автора, а русского языка. Их, впрочем, немного – всего шесть. Из девяти эпиграмм, выпишем одну для образчика:

На что Друз Лиду берет? – Дряхла уж и седа,
С трудом ножку воробья сгрызет в полобеда.
К старине охотник Друз, в том забаву ставит:
Лидой медалей число собранных прибавит.

Наконец к числу стихотворческих трудов Кантемира принадлежат еще «Десять писем Горациевых», стихами без рифм, с приложением письма о русском стихосложении, под вымышленным именем Макентина (напечатаны в Санктпетербурге 1744 и 1788 г.); «Оды Анакреонтовы» (были ли напечатаны, когда, и где, или не были напечатаны, – неизвестно).{17} Сверх того, Кантемир предупредил Ломоносова в намерении – воспеть в эпической поэме подвиги Петра Великого: поэма Ломоносова называлась «Петриадою», Кантемира – «Петреидою» и, подобно первой, не была кончена.[7]

Все эти стихотворные, равно как и прозаические труды Кантемира, очень важны, как первые опыты, которые должны были и других подвигнуть к литературной деятельности; важны они еще и как первый памятник тяжелой борьбы умного, ученого и даровитого писателя с трудностями языка, не только не разработанного, но и не тронутого, подобно полю, которое, кроме диких самородных трав, ничего не произращало. Перо Кантемира было первым плугом, который прошел по этому полю. Скажут: у нас и до Кантемира была словесность. Так, но какая?

теологически-схоластическая, или летописная, или, наконец, состоявшая из произведений народной поэзии. Но честь усилия – найти на русском языке выражение для идей, понятий и предметов совершенно новой сферы – сферы европейской – принадлежит прямее всех Кантемиру. И еще большее и высшее значение имеют его сатиры. Здесь Кантемир является первым писателем, вызванным реформой того Петра Великого, образ и дух которого глубоко впечатлелся еще в юношеской душе будущего сатирика. Таким образом, Кантемир был первым сподвижником Петра на таком поприще, которого Петр не дождался увидеть, но которое, как и все в России, приготовлено им же. О, как бы горячо обнял великий преобразователь России двадцатилетнего стихотворца, если бы дождался до его первой сатиры! Но за Петра это

сделал один из птенцов его орлиного гнезда – Феофан Прокопович.{18} Сатиры Кантемира – подражание и, большею частью, то перевод, то переделка сатир Горация, Буало и, частью, Ювенала; но тем не менее они – в высшей степени оригинальные произведения; так умел Кантемир применить их к быту и потребностям русского общества! Он не нападает в них на пороки, свойственные созревшим или перезревшим цивилизациям: нет, он нападает на фантизм невежества, на предрассудки современного ему русского общества. Во второй сатире он осмеивает дворянскую спесь – порок, столько же свойственный русским, сколько и всякому другому народу в Европе; но колорит этого порока, равно как манера нападать на него, в его сатире – чисто русские. Короче: подражая Горацию и Буало, Кантемир до того обрусил их в своих сатирах, что аббат Гуаско не усомнился перевести их на французский язык, как произведения, которые для французов могли иметь всю прелесть оригинальности. И вот в чем состоит великая заслуга Кантемира не только перед русским языком или русскою литературою, но и перед русским обществом его времени. Теперь вопрос: как велико было влияние сатир Кантемира на русское общество, в котором грамотность была мало распространена, а о литературности не было и помина? Сатиры Кантемира изданы гораздо после его смерти (в 1762 году), но с его собственноручного списка, посланного им из Парижа к императрице Елизавете Петровне, с посвящением ей. Они снабжены многочисленными подробными примечаниями в выносках, кем писанными – неизвестно, но, кажется, не самим Кантемиром. При каждой сатире в примечании говорится: издана в такое-то время; но, кажется, здесь слово издана значит ни больше, ни меньше, как – написана, и при жизни Кантемира, кажется, ни одна сатира его не была напечатана.{19} Но тем не менее не подвержено никакому сомнению, что сатиры Кантемира, как и все его стихотворные произведения, пользовались большою известностью в обществе того времени. Сам Кантемир говорит о большом успехе его любовных песен. Рукописные сатиры свои он прислал императрице: значит, они были ей известны и прежде, а если так: значит, на них все смотрели, как на что-то важное. Если их читала императрица, то читал и двор. Сверх того, они нашли себе большую известность и большое одобрение в духовенстве, между которым было тогда много людей ученых и образованных. Феофан Прокопович до того был восхищен первою сатирою Кантемира, что написал к их автору, не зная его, известное послание, которое начинается стихом: «Не знаю, кто ты, пророче рогатый», и которое дышит неподдельным восторгом. Новоспасский архимандрит Феофил Кролик приветствовал Кантемира тоже посланием в стихах, только на латинском языке. О чем говорят и чем интересуются высшие представители общества по уму, образованности и знатности, – о том, разумеется, говорит и общество. Поэтому очень могло быть, что сатиры Кантемира скоро пошли разгуливать в стихах по всей России, между грамотным народом. Это тем естественнее, что в сатирах Кантемира почти вовсе нет, или есть очень мало риторики, что в них говорится только о том, что у всех было перед глазами, и говорится не только русским языком, но и русским умом. В жизнеописании Кантемира сказано, что все сатиры его имели большой успех и что «многие его стихи вошли в пословицы», и не мудрено: в сатирах Кантемира попадают стихи до того забавные и наивно-остроумные, что невольно остаются в памяти. Таковы, например, эти два стиха в первой сатире:

И просит свята душа с горькими слезами
Смотреть, сколь семя наук вредно между нами.
Таковы же стихи, которые приведем мы из разных сатир:

Ябеда и ее друг дьяк или подьячий.

—

. . . .Без всякой украсы
Болтнешь, что не делают чернца одни рясы.

—

Сегодня один из тех дней свят Николаю,
Для чего весь город пьян от края до краю.

—

Вино должен перевести, кто пьяных не любит.

—

Пространный стол, что семье поповской съесть не трудно,
В тридцать блюд, еще ему мнилось ество скудно.

—

Мне ли в таком возрасте поправлять довлеет
Седых, пожилых людей, кои чтут с очками,
И чуть три зуба сберечь могли за губами;
Кои помнят мор в Москве, и как сего года,
Дела Чигиринского скажут похода?{20}

Последний стих невольно приводит на память стихи Грибоедова:

Известья черпают из забытых газет

Времен очаковских и покоренья Крыма.

Кантемир, по своему болезненному сложению, меланхолическому характеру, был склонен к нравственному дидактизму. Немножко суровый моралист (что доказывает его раскаяние в любовных песнях) и весьма остроумный человек, Кантемир любил только избранное общество, следовательно, не любил общества вообще, которое оскорбляло его своими пороками и недостатками; такой характер предполагает раздражительность и любовь к уединению. Все эти обстоятельства необходимо делали Кантемира сатириком. По языку, неточному, неопределенному, по конструкции часто запутанной, не говоря уже о страшной устарелости в наше время того и другого, по стихосложению, столь несвойственному русской просодии, сатиры Кантемира нельзя читать без некоторого напряжения, тем более нельзя их читать много и долго. Но, несмотря на то, в них столько оригинальности, столько ума и остроумия, такие яркие и верные картины тогдашнего общества, личность автора отражается в них так прекрасно, так человечно, что развернуть изредка старика Кантемира и прочесть которую-нибудь из его сатир есть истинное наслаждение. По крайней мере для меня гораздо легче и приятнее читать сатиры Кантемира, нежели громозвучные оды Ломоносова, поэмы Хераскова и даже многие оды Державина (как, например, «На взятие Измаила», «Целение Саула», и т. п.); от всех этих од и поэм можно заснуть, а от сатир Кантемира проснуться... Вообще, для меня Кантемир и Фонвизин, особенно последний, самые интересные писатели первых периодов нашей литературы: они говорят мне не о заоблачных превыспренности по случаю площадных иллюминаций, а о живой действительности, исторически существовавшей, о нравах общества, которое так непохоже на наше общество, но которое было ему родным дедушкой...

Посвящение сатир Кантемира императрице Елизавете Петровне, по своему изобретению, напоминает оду Державина: «По следам Анакреона».{21}

О Кантемире, кроме статьи Жуковского, напечатанной в «Вестнике Европы» 1809 года, почти ничего дельного писано не было. Сочинения и переводы его большею частью остались ненапечатанными, а напечатанные изданы врознь. В 1836 г. кем-то было предпринято издание «Русских классиков», началось с Кантемира, да на нем и остановилось, кажется, на пятой сатире. Издание это было красивое и снабженное биографией Кантемира и необходимыми примечаниями. Жаль только, что примечания не были слово в слово перепечатаны с издания 1762 года: они необходимы, потому что характеризуют дух времени, состояние русского языка и общества того времени.{22}

Примечания

«Литературная газета», 1845, № 6 от 8 февраля (стр. 103–105), № 7 от 15 февраля (стр. 125–127), № 8 от 1 марта (стр. 139–141). Даты цензурного разрешения отсутствуют. Подпись: В. Б.

Статья была напечатана под заголовком «Портретная галерея русских писателей. 1. Кантемир» и должна была явиться первой из задуманной серии литературных портретов крупнейших русских писателей. Тексту статьи было предпослано краткое редакционное предисловие, написанное, повидимому, самим Белинским и озаглавленное «Несколько слов вместо предисловия»:

«Редакция «Литературной газеты» давно уже имела намерение представить своим читателям очерк русской литературы в лицах. Подобное предприятие принадлежит ей по праву и некоторым образом входит в круг ее обязанностей перед публикою: самое название нашей газеты показывает, что русская литература составляет ее главный предмет; а в качестве иллюстрированного издания она и может и должна представить публике полную, по возможности, коллекцию портретов наиболее известных русских писателей. Таким образом, мы начинаем ряд статей, из которых каждая будет содержать в себе критическую характеристику одного из известных русских писателей, и при каждой из них будет находиться полнотипажный портрет разбираемого автора. Статьи наши – не критики, но только критические очерки, по

Кантемир. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

возможности легкие и краткие. Так как в порядке этих статей мы намерены держаться строгой исторической последовательности, то из наших многих очерков русских писателей со временем должен выйти один очерк истории русской литературы, тем более что все они, как составленные одним лицом, будут отличаться единством воззрения и изложения. Редакция «Литературной газеты» не налагает на себя никакой обязанности в отношении к числу, времени появления и времени окончания этих статей: числа их теперь нельзя определить; кончиться они могут и в нынешнем и в будущем году – как придется; появляться же будут не в каждом номере, но от времени до времени».

Обещание, данное в этом предисловии, осталось, однако, невыполненным. Напряженная журнальная работа и развивающаяся болезнь не позволили Белинскому и на этот раз осуществить свой замысел «Критической истории русской литературы», первое упоминание о котором мы находим в письме к Боткину от 12 августа 1840 года («Письма», т. II, стр. 145).

Однако в статье о Кантемире мы находим ряд важнейших положений, составляющих историко-литературную концепцию Белинского: разделение литературы XVIII века на сатирическую и риторическую, утверждение сатирического направления как наиболее важного и значительного, свидетельствующего о постоянном стремлении русской литературы сблизиться с жизнью и тем самым стать литературой самобытной, национальной. Если Белинский в своих оценках писателей риторического направления (и прежде всего Ломоносова) ошибочно придал преувеличенное значение элементу подражательности, то в творчестве писателей сатирического направления, начиная с Кантемира, Белинский неизменно подчеркивал их оригинальность и самостоятельность. В этом заключалась наиболее ценная и глубокая идея в воззрениях Белинского на историю русской литературы.

Настоящую статью Белинский открывает утверждением, что русская литература началась с Ломоносова. Эта мысль связана с общеисторической оценкой Белинским реформ Петра I как решительного отрицания всего, чем жила старая Московская Русь. Односторонность и неполнота этого воззрения заключались в недооценке того, что культурный переворот начала XVIII века был в значительной мере подготовлен предшествующим развитием России. Нужно иметь также в виду, что наиболее значительные памятники бытовой и сатирической литературы XVI–XVII вв. не были еще известны во времена Белинского, а с другой стороны, изучение древней русской литературы находилось в руках ученых реакционного направления, которые всеми силами подчеркивали в ней «самобытные» начала православия и покорности царю, против чего Белинский решительно должен был восставать.

Блестящая оценка исторического значения Кантемира в этой статье снимала ранние пренебрежительные высказывания критика о нем (см. «Литературные мечтания», «Русская литература в 1840 году» и «Русская литература в 1841 году»).

В многочисленных цитатах из произведений Кантемира, которые Белинский приводит по изданию 1762 года («Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира; с историческими примечаниями и кратким описанием его жизни»), имеется много неточностей, в большинстве своем не меняющих смысла, но нередко нарушающих правильность 13-сложного стиха. В комментариях мы оговариваем только наиболее существенные разночтения или исправления ошибок, искажающих смысл стиха, сохраняя, как правило, текст в таком виде, как он приведен у Белинского.

Сноски

1

Впрочем, это дело как-то бестолково объяснено в книге Беера: на стр. 321 сказано о втором сыне князя Димитрия, Константине, что «император Петр II, снисходя на желание умершего родителя его, князя Димитрия, повелел (19 мая 1729 года) в недвижимом имении быть одному ему наследником». Во всяком случае и все другие братья Константина не остались бедняками благодаря щедротам Петра Великого и его преемников. Так как Антиох не был женат и не оставил по себе наследников, то имение его перешло к братьям. {23}

2

Поэт говорит о Петре Втором, которому тогда было четырнадцать лет. Он в детстве

Кантемир. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
с особенною ревностию учился, а впоследствии подтвердил данные его
предшественниками привилегии Академии наук и назначил ее членам и даже
чиновникам постоянные оклады.

3

Славный сапожник того времени, в Москве.

4

Славный портной того времени, в Москве.

5

Вот примечание, из издания 1762 года, на этот стих: «некто, прозванием
Максимович, стихами описал и по азбуке расположил жития святых печерских. Сия
книга напечатана в Киеве в лист, и пальца в два толщины; однакож в ней, кроме
имен святых и государя царевича Алексея Петровича, которому приписана, ничего
путного не найдешь».

6

Князь Н. Ю. Трубецкой.

7

Труды Кантемира в прозе были следующие: 1) «Разговоры о множестве миров»,
сочинение Фонтенелла, перев. с франц. Санктпетербург; три издания (когда вышло
первое издание, неизвестно; второе в 1761, третье – 1802); оставшиеся в
рукописи: 2) «Юстинова история»; 3) «Корнелий Непот»; 4) «Кевита таблица»; 5)
«Письма Персидские» Монтескье; 6) «Епиктетово нравоучение»; 7) «Итальянские
разговоры г. Алгеротти о свете». Все эти переводы интересны, как живой памятник
первой борьбы русского языка с европейскими идеями и как факты истории русского
языка. Сверх того, осталось в рукописи сочинение Кантемира «Руководство к
алгебре», и никогда не были обнародованы его дипломатические из Лондона и Парижа
реляции, письма, замечания, вероятно, очень любопытные не в одном литературном
отношении. Из напечатанных его сочинений известно еще «Симфония, или согласие на
боговдохновенную книгу псалмов царя и пророка Давида» (Санкт-Петербург, 1727,
второе издание 1821). Это свод всех стихов псалтыря, по азбучному порядку, для
удобнейшего приискания текстов. {24}

Комментарии

1

В действительности сатиры Кантемира, в их последней редакции, были написаны не
традиционным, а реформированным силлабическим стихом, основные принципы которого
были сформулированы им в «Письме Харитона Макетина к приятелю о сложении стихов
русских» (1742).

2

Объективно-историческая оценка Сумарокова была дана Белинским в 1847 году в
рецензии на роман Н. Кукольника «Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова» (см.
Полн. собр. соч., т. X, стр. 489–190).

3

Первая биография Кантемира была составлена его другом, аббатом Венути, и
напечатана на французском языке при лондонском издании сатир Кантемира (1749)

Кантемир. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
под заглавием «Vie du prince Antiochus Cantemir». Она легла в основу всех последующих биографических статей о Кантемире. В названной Белинским книге Беера (Байера) на стр. 330–358 был помещен русский перевод биографии Венути (с некоторыми исправлениями и дополнениями). Заимствуя из этой книги данные о жизни сатирика, Белинский, очевидно, не обратил внимания на справку об источнике биографии на стр. 330–331. Ускользнуло от его внимания и то обстоятельство, что другой перевод этой же работы был помещен в 1815 году в журнале П. Строева «Современный наблюдатель российской словесности» (№ 7, стр. 137–146, № 8, стр. 153–164 и № 9, стр. 169–175).

4

Несостоятельность казенной легенды о награждении Кантемира за его сатиры была показана уже В. Я. Стоюниным в его статье о Кантемире, напечатанной при «Сочинениях» Кантемира, СПб, 1867, т. I (ред. П. Ефремова). Но тот же Стоюнин еще разделяет традиционную версию о почетном характере назначения Кантемира в Лондон. Однако можно с полным основанием рассматривать это назначение как своего рода ссылку, бывшую следствием желания удалить из Петербурга неугодного бироновскому режиму молодого писателя, уже достаточно обнаружившего независимость своих общественно-политических взглядов.

5

В статье К. Н. Батюшкова «Вечер у Кантемира» (1816) («Опыты в стихах и прозе», 1817, ч. I).

6

Цитируемый отрывок взят из начала VI сатиры.

7

В тексте «Литературной газеты» явная типографская ошибка («в 1739 году»), которую мы и исправляем.

8

Нами исправлена грубая опечатка «Литературной газеты»: «что боги прокляли девять сестер». Это исправление было внесено уже в издание Солдатенкова и Щепкина, но в новейшем издании (М., 1936) мы находим восстановленным ошибочный текст.

9

Отмечаем неточности, допущенные Белинским при цитировании:

Строка 6 – должно быть: «Смотреть, сколь семя наук вредно между нами».

Строка 14 – «Не прибьешь их палкою к соленому мясу».

Строка 46 – «Дает, хотя внутрь никто видел живо тело».

Строка 57 – «Румяный, трожды рыгнув, Лука подпевает».

Строка 80 – «Тогда, оставя стакан, примуся за книгу».

10

Нужно: «Судит за красным сукном, смело полки водит». Выше, во второй строке, нами исправлена обесмысливающая опечатка «Литературной газеты» («Науку невежеством место уж посело»).

11

Строка 20 – должно быть: «В две мозоли и тебе краса становится».

Строка 22 – «Деревню взденешь потом на себя ты целу».

12

Должно быть: «Ни сморкнуть, ни кашлянуть смея».

13

Строка 8 – должно быть: «Всяк уму наперерыв чудному дивится».

В строке 10 – восстанавливаем пропущенное Белинским слово «легко», необходимое для сохранения стиха.

В заглавии пятой сатиры в «Литературной газете» допущена грубая опечатка («Старик и Перьерг»), которую мы исправляем.

14

Последние две строки были в тексте «Литературной газеты» выброшены цензурой и заменены двумя строками точек. Восстановлены уже в издании Солдатенкова и Щепкина.

15

Строкой точек указываем на границу между цитируемыми разными отрывками, не отмеченную в тексте «Литературной газеты».

В 4-й от конца строке должно быть: «Слуги язва суть детей...»

16

В последней строке должно быть: «До другой невидимо колет любви жало».

17

Переведенные Кантемиром песни Анакреона сохранились в рукописи и были впервые напечатаны в издании сочинений Кантемира 1867 года (под ред. П. Ефремова). «Письмо Харитона Макетина к приятелю о сложении стихов русских» (обычное до последнего времени написание «Макентин», как указано Д. Д. Благим в его «Истории русской литературы XVIII века», является ошибочным) было написано в 1742 году в ответ на трактат Тредьяковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов». Напечатано впервые в 1744 году при издании перевода «Писем Горация Флакка».

18

Феофан Прокопович приветствовал первую сатиру Кантемира стихотворным посланием: «Не знаю, кто ты, пророче рогатый...» (напечатано в «Сочинениях А. Д. Кантемира», изд. 1867 года; см. ниже у Белинского упоминание об этом послании).

19

Действительно, при жизни Кантемира ни одна сатира его не была напечатана. Подробные примечания к сатирам, помещенные в издании 1762 года, принадлежали самому Кантемиру, но были сильно переделаны редактором издания И. С. Барковым.

20

Указываем источники приводимых Белинским отрывков: 1-й – из второй сатиры; 2-й – из четвертой сатиры; 3-й, 4-й и 5-й – из пятой сатиры; 6-й – из седьмой сатиры.

21

У Державина нет оды под таким заглавием.

22

Критическая статья В. А. Жуковского о сатирах Кантемира была напечатана в «Вестнике Европы», 1810, №№ 2, 4 и 5. Оставшееся незаконченным издание сатир Кантемира (напечатано восемь сатир и две песни) в серии «Русские классики» было предпринято в 1836 году Д. Толстым, Г. Есиповым и М. Языковым (см. рецензию Н. Полевого на это издание в книге «Очерки русской литературы», СПб, 1839, ч. I, стр. 355–382).

23

Недоумение Белинского объясняется тем, что одному из старших братьев Антиоха, Константину, удалось использовать влияние своего тестя, члена верховного тайного совета, кн. Д. М. Голицына и добиться указа Петра II о признании его единственным наследником вопреки прямому указанию в завещании Дмитрия Кантемира на Антиоха, как на «достойнейшего» из его сыновей.

24

Перевод книги Фонтенеля «Разговоры о множестве миров», сделанный в 1730 году, был впервые напечатан в 1740 году, но через несколько лет, по требованию синода, был уничтожен. Большинство названных здесь переводов Кантемира до нас не дошло. «Таблицы Кевика философа» частично напечатаны во II томе «Сочинений» под ред. П. Ефремова, 1868 (у Белинского повторена ошибка Беера и издания 1762 года – «Кевита»). Дипломатические письма Кантемира из Лондона за 1732–1734 гг. были опубликованы В. Н. Александренко в 1892–1893 гг. (два тома). До того «Депеши и политические письма Кантемира из Лондона (1732–1738) и из Парижа (1739–1744)» были в извлечениях напечатаны во II томе ефремовского издания 1868 года.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!